

СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ПРОСТРАНСТВО В «ШАХНАМЭ» АБУЛКАСИМА ФИРДАВСИ

АТОЕВ А. М.

*Худжандский государственный университет имени академика
Б. Гафурова, Таджикистан
УДК1Ф. ББК 87.3*

Аннотация: *В данной статье рассматривается влияния иранской философской культурной и экономической традиции на Пакистан, Афганистан, а так же на индийский субконтинент.*

В течение почти тысячелетия персидская культурная, экономическая и языковая традиция была доминирующей в индийском субконтиненте. Здесь в так называемом центре мира, на пересечении горизонтальной и вертикальной осей происходят основные историко-культурные и экономические повествования «Шахнамэ».

Изучение Шахнаме показывает что границы экономических пространств где происходит торговые отношения очень широки и предметом этих отношений были разнообразные товары. Здесь прослеживаются различные законы пространственного роста государства, пространственной организации хозяйства. Автор статьи подчеркивает, что в этом центральном пространстве сопрягаются вертикальное и горизонтальное измерения, где происходит экономическое отношение между Ираном и Тураном

Abstract: *This article discusses the impact of the Iranian cultural and philosophical 'economic and traditions of Pakistan and Afghanistan, as well as the Indian subcontinent.*

For almost a millennium Persian cultural, economic and linguistic tradition has been dominant in the Indian subcontinent. Here, in the so-called center of the world, at the intersection of the horizontal and vertical axes there are basic historical, cultural and economic narratives "Shakname."

Investigation shows that the Shahname borders economic areas where there are trade relations very wide and the subject of these relations was variety of goods. It traced the various laws of spatial growth of the state, the spatial economic organization.

Key words: *sub-continent, economic space, interpretation, territory, illustration, iconography*

Ключевые слова: *субконтинент, экономическое пространство, интерпретация, территория, иллюстрация, иконография*

«Вне себя мы не можем наглядно представить времени, точно так же как пространство нельзя представить находящимся внутри нас. Что же такое пространство и время?» – этот вопрос был задан величайшим мыслителем прошлого И. Кантом в трактате «К критике чистого разума». Пространство и время – фундаментальные понятия, о философском смысле которых люди задумывались всегда. История философской и экономической мысли свидетельствует, что сущность этих понятий волновала умы практически всех известных мыслителей прошлого и настоящего.

Эти идеи прослеживаются и в «Шахнамэ» Фирдавси относящейся к XI веку, которая продолжает оказывать серьезное идентификационное влияние не только на Иран, но и на Пакистан и Афганистан, не считая, конечно, и всю Центральную Азию, в особенности, Таджикистан.

Иранский национальный эпос распространялся также и на индийский субконтинент через султана Махмуда Газневида, в особенности, после его захвата Лахора, в настоящее время, относящийся к Пакистану. Он фактически создал свою столицу в восточных своих провинциях и таким образом подготовил все предпосылки для активации движения культурной, экономической и философской жизни в этом регионе. В

этой связи стоит заметить, что влияние иранской, философской, социально-экономической и культурной традиций в этом субконтиненте не случаен, так как после начала кризиса мусульманской цивилизации в конце XI века и разрушения культурных центров в Центральной Азии из-за монгольского нашествия, почти вся культурная и экономическая жизнь Ирана и Центральной Азии постепенно стала перемещаться в индийский субконтинент.

Следует отметить, что крупные города Средней Азии оставались центрами областной, межобластной, а некоторые международной торговли. Как пишет академик Б.Гафуров в своей знаменитой книге «Таджики» оживленные торговли велись не только в этих торгово-ремесленных центрах, но также во многих селениях, особенно расположенных вокруг Бухары, Самарканды и ежегодно в этом пространстве проводились торговые ярмарки.

В этом пространстве наблюдалась развитое денежное хозяйство. Золотые монеты динары чеканились при Саманидах в довольно значительном количестве. За пределами Средней Азии монетные дворы выпускали динары лишь эпизодически. Но как свидетельствуют источники, золотые монеты были как товар и продавались на вес, а не как штучные монеты. Кроме того чеканились и серебряные монеты дирхемы, которые стали общегосударственными и назывались исмаили. Эти монеты распространились в широком пространстве, о чем свидетельствуют найденные клады дирхемов исмаили в Восточной Европе и в Прибалтике. Для малой торговли употреблялись медные монеты-фельси.

В течение почти тысячелетия персидская экономическая, культурная и языковая традиция была доминирующей в индийском субконтиненте. Административный язык этого региона был персидским. Только после колонизации Индии со стороны Великобритании, персидский язык был вытеснен английским языком, что стало началом ослабления индо-персидской культуры в этом регионе. В особенности это стало уже очевидным после национального разделения в 1947 году между Индией и Пакистаном.

При этом стоит отметить тот факт, что с XI века по XVII века экономическая, культурная жизнь осуществлялась на персидском языке и создание многих персидских шедевров больше производилось в Индийском субконтиненте, нежели в Иране или Центральной Азии. Вся материальная культура становилась предметом торгово-экономических отношений и по всей Центральной Азии. Естественно, влияние «Шахнамэ» на индийский субконтинент было невероятным, особенно, на миниатюрную живопись и литературу, которая подчинялась тем же самым канонам, по которым было создано произведение «Шахнамэ». Особое влияние началось с момента воцарения Бабур, основоположника монгольской империи в Индии (1502г.). Индийская миниатюрная традиция сохранила живую связь и персидской культурной и интеллектуальной традиции и донесла до нас персидскую культуру в своей собственной интерпретации и сыграла важную роль в экономических взаимоотношениях между различными регионами Центральной Азии.

В этом контексте стоит отметить, что современные исследователи подчеркивают, что ««Шахнамэ» играет роль «архетипов» в персидском сознании, которые подчеркивают экономические, психологические коллективно-бессознательные модели поведения относительно победы, поражения, надежды и отчаяния, рождения и смерти».

Самое серьезное семантическое изменение в понимании и интерпретации символов «Шахнамэ» произошло на границе интерпретационного конфликта между Пакистаном и Афганистаном сегодня, в особенности, в отношении главного символа «Шахнамэ» – Рустама. Интересно, что он представлен скорее в образе демона на миниатюрных картинах, нежели как идеальный рыцарский образ.

Такая интервенция на переосмысление значения символа Рустама, - отмечает Суруш Ирфани, - «от создателя до разрушителя человеческой жизни и ценностей, является лейтмотивом у художника - миниатюриста Кадима Али в его сериях картинных

изображений Рустама,» - с момента как он посетил движение Талибан в Афганистане в марте 2001г. Интересно, что афганские талибы, которые известны как противники Ирана и персидской культуры идентифицируют себя с Рустамом, и соотносят, таким образом свое поведение с ним как с идеальной моделью. Но эта идеальная модель не отражает истинную миссию Шахнамэ а скорее всего направлена на приобретение экономического пространства.

Когда Фаридун возносит булаву над головой Зохлака, появляется голос Соруша, символизирующего слово света Ахуры Мазды, который предупреждает Фаридуна о том, что еще не настал час смерти Зохлака. Его нужно, продолжает Соруш, распять в оковах между двумя горами.

«С Захаром добрался до горных вершин;
Связав еще крепче, его поволок,
Злодея в одиночестве с этой поры
Остался прикованным в сердце горы.
Зияла там пропасть, глуха и мрачна;
Взглянув, Фаридун не увидел в ней дна».

Распятие между двумя скалами имеет важное символическое значение для Фирдавси. Мало победить зло или противника, главное – разрушить это имя в прах. Не смерть, а забвение имени и ассоциаций с ним. Люди должны помнить, что зло живо, и оно может в любой момент выйти наружу. Живой Зохлак есть напоминание людям о том, к чему может привести забвение к свету и правде.

Место заточения Зохлака имеет символическое значение. Дело в том, что Демавед – это высочайшая вершина Ирана в горах Эльбурса. В народных преданиях Ирана до сих пор существуют мотивы о том, «что стоны до сих пор слышны Зохлака из того места, где он был заточен. При этом «Эльборз» (Эльбрус) восходит к авестийскому слову «Verezato Naigi» (высокая гора), которая занимает важное место в космологических преданиях иранцев. Гора Эльборз являлась местом отдыха солнца, луны и созвездий, а также началом пути в обитель блаженства». Можно предположить, что Зохлак был специально распят прямо на пути к проходу блаженства и рая, тем самым постоянно напоминая ему о том, что было им потеряно, когда он предал забвению путь к правде и свету.

Можно сказать, что в этом центральном пространстве сопрягаются вертикальное и горизонтальное измерения, где происходит экономические отношения между Ираном и Тураном. Неслучайно Иран, доставшийся Ираджу, находится в центре между западным и восточным миром. В этой связи стоит согласиться с М.Шукуровым, который, применяя метод Юрия Лотмана в отношении анализа текста, отмечает: «Именно в центре мира, на пересечении горизонтальной и вертикальной осей происходят основные конфликты повествования «Шахнамэ». В связи со сказанным следует отметить, что интерпретация подобных сюжетов, действие которых происходит в конфликтной зоне – центре мира, заметно упрощается, поскольку основные семантические характеристики (верх-низ, божественное – человеческое, свет-мрак и т.д.) могут быть легко наполнены соответствующим символическим содержанием».

Данный символ определял способность героя находить нахождение баланса между страхом и мужеством, эмоциями и разумом и т.д. Тот, кто не способен находить данный баланс, становится жертвой этих скал, и таким образом не приходит к реализации своих самых заветных целей.

Фактически мифологическая история Ирана у Фирдавси уже соприкасается с реальными географическими областями мира, начиная с распределения областей мира, которые были подконтрольны Ирану. Это распределение начинается с момента распоряжения, которое дает Фаридун своим трем сыновьям: Сельму, Туру и самому младшему Ираджу.

Безусловно, Фирдавси помимо мифологических представлений о расположении различных государств уже был знаком с новыми открытиями, которые связаны с развитием географических открытий в мусульманском мире. Однако, Фирдавси все же следует мифологической или можно даже сказать авестийской традиции, которая рассматривала расположение территорий сквозь призму срединного расположения самого Ирана.

Предоставляя сыновьям территориальное политическое правление, Фаридун исходит из положения о трехчастном делении мира: середина (Иран), Запад (Рум), которая отражала территории, связанные с Арменией и Ираком, и Восток, который включал в себя Туран и Чин (Китай).

Фаридун отдает первенство Ираджу потому, что именно он сохранил баланс и решимость в своих действиях, которых не хватило его братьям в момент испытания их на прочность, который провел Фаридун с ними. Сельм был осторожен и хитер в вопросе о выживании, и поэтому ему был дан Рим и Запад, - Тур был, напротив, безрассуден и импульсивен – и ему были отданы восточные части Турана и Чина, где он должен был возглавить правление над тюрками. И только Ирадж в ходе испытания обнаружил баланс между осторожностью и безрассудством двух братьев, за что и получил правление Иран, символизирующий срединное географическое положение, балансирующее две другие части.

После гибели Ираджа территория Турана и Чина (Китая), где было, совершено убийство Ираджа превратилась, в территорию Ахримана. Фирдавси постоянно, упоминая территории Турана, не забывает добавлять термин Ахриман.

Итак, не место, звание, род, положение или занимаемое пространство, и даже не Бог определяет человека, а сам человек определяет это пространство и придает не только цену, но и ценность любой вещи и любого социального, религиозного, культурного или политического пространства, которыми человек окружен.

Шукуров М. верно отмечает идеи Лотмана и Успенского о том, что «пространство обладает способностью «моделировать» иные непространственные (семантические, ценностные и пр.) отношения». В этой связи Шукуров в разделе об организации пространства и времени на примере Шахнамэ указывает, что «художественное пространство в Шахнамэ предстает перед читателем как цепь автономных и разнокачественных пространственно-временных континуумов. При этом он упоминает об особом стилистическом изображении гор в иллюстративной традиции восточного средневековья и связывает символическое содержательное изображение данной иллюстративной традиции с историческим и культурным контекстом, когда горы ассоциировались с хаосом и местом для обитания дивов или темных сил». Далее Шукуров М. углубляется в интерпретацию иллюстраций относительно художественного отражения эпических событий в Шахнамэ и «связывает негативную коннотацию горной местности с отрицательными мифологическими персонажами, к примеру, в росписях «Синего зала» Пенджикента, где за горой скрывается белый див».

Далее М. Шукуров для поддержания данного тезиса ссылается уже на Шахнамэ А. Фирдавси, где он доказывает, что «Фирдавси в «Шахнамэ» стремится подчеркнуть органиченность описываемых их конфликтных ситуации, которые происходят именно в горах, олицетворяющих чужую территорию или пространство врага, с которым иранским героям всегда приходится вступать в противоборство».

М.Шукуров отмечает: «Практически все поединки героев «Шахнаме» с мифологическими противниками, а иногда и поединки витязей между собой происходят в горах или холмах. Например, победу Гударза над Пираном в горах, местожительство и гибель Фаруда на горе в крепости и последующее разрушение крепости иранцами. Иранцы при этом непременно занимают нижнюю пространственную зону и оказываются в горах с единственной целью поразить своего противника (мифологического или туранца)... Отрицательный персонаж, лев Каппе, изображен на горах, а положительный

персонаж, Бахрам-Чубина, скачет по поросшему травой лугу, т.е. композиционное построение миниатюры полностью совпадает с представленным в тексте рядом бинарных семантических позиций: низ-верх, свой-чужой, добро- зло, дол (луг- долина) – гора». Таким образом, заключает М.Шукуров: «Изобразительное противопоставление долин, пространство которых занимает царь или витязь, и гор, занимаемых змеей, драконом или другим мифологическим существом, является основным структурным элементом, определяющим иконографию иранских памятников до мусульманского и мусульманского времени».

Данная интерпретация, несмотря на каймить истины, опираясь на доверие читателей к миниатюрным источникам и к отдельным ссылкам на первоисточник «Шахнамэ», на самом деле вызывает много научных сомнений, которые основываются на том, что ключевые текстовые события порой искажаются до своей полной противоположности. Это пример показывает, что если интерпретация исходит лишь от иллюстрации к тексту, или от концептуальных заданных шаблонов к тексту, или подведение текста под ту или иную конструкцию, то мы можем столкнуться с множеством смысловых и контекстуальных искажений. В этой связи важно связать эстетическую интерпретацию, исходящую от миниатюр, к самому тексту «Шахнамэ» с одной стороны, - и понять тот контекст, откуда началась данная интерпретация.

Сомнение вызывает не методология, она как раз достаточно хорошо демонстрирует возможности для серьезного анализа эстетического, культурологического и философского текста. Однако вопрос возникает о том, почему при пространственной интерпретации «Шахнамэ» не были приняты во внимание отрывки, которые прямо противоположны заявленной бинарной оппозиции со стороны М.Шукурова.

*Тогда Кеюмарс повелителем стал;
Высоко в горах он сперва обитал;
Там счастье обрел и державный удел,
Себя и мужей в шкуры барсов одел.
С тех пор стали люди умнеть и умнеть,
Все обновилось – одежда и снедь».*

Именно в горах Кеюмарс находит секрет огня, который является матрицей культуры и религии иранского духа, на котором собственно и выстраивается религиозная доктрина Зороастризма.

Шах Джемшид при распределении сословий – священников (кутузки) распределяет в горы.

*«Священников, тех что зовем картузе,
Кто в мире избрал благочестья стези,
Джемшид отделил от сословий других,
Обителью горы назначил для них;
И там пребывают они, в небеса
Моленья и вздохи свои вознося»⁴.*

В то время как дракон Зоухак пришел не с гор, а с равнины (со степи «Копьеностных наездников»), где до поры до времени он жил со своим отцом, и который при посредничестве дива приводит своего отца к насильственной смерти. Он правил Ираном 1000 лет. Именно с Зоухаком связано олицетворение змей.

Интересно, что когда Зоухак был повержен, его не убили, а распяли на горе – Эльборза, по наказу Соруша.

Горы, действительно, являются местом, где сопрягается рождение борьбы света и тьмы, добра и зла. Даже у Ф. Ницше в его самом известном философском произведении «Так говорил Заратустра», Заратустра все самое чистое, возвышенное и духовное получил именно высоко в горах, куда он уходил из долины для того, чтобы набраться сил и духовной мощи с тем, чтобы вновь возвратиться в долину для возвещения истины».

К тому же, возможно, что изменение характера и семантической коннотации в сторону негативной по отношению пространственно-временному континууму «горы» можно объяснить изменением исторического и социально-политического и культурного контекста, отражающего время правления других политических и культурных групп, которые в свою очередь уже были связаны непосредственно не столько с древнеиранскими мировоззренческими ориентирами, сколько с тюркскими.

В этой связи, конечно, интерпретация миниатюр, введенная со стороны М.Шукурова, никак не связана с мировоззренческой ориентацией Фирдавси, отраженной в «Шахнамэ». Напротив, глубокий анализ текста «Шахнамэ» показывает скорее нам то, что в иллюстративной «иранской» традиции произошло благодаря появлению новых семантических коннотаций серьезное переосмысление пространства как географического, так и символического.

И самое интересное то, что в «Шахнамэ» обнаруживается не только чисто эстетическое наслаждение природой и прагматического отношения к ней. Уважение к природным стихиям, облагораживание и следования им с целью создания большей урожайности, продуктивности, орошения и т.д.

Воспевание прекрасного в природе сопровождается у Фирдавси любовью к своей родине и патриотическому отношению к своей земле. Это особо ярко отражено у Фирдавси в словах Нушинравона, который, обходя свои владения (дворцы, степи, озера, реки и т.д.) и восторгаясь ими, восклицает о том, «что если царь, действительно мудрый, он не должен допускать врагов к своей земле, чтобы они уничтожали ее красоту, топтали поля, сады, луга копытами лошадей. Он повелел повсюду в Индии и Руме, по всей стране, разыскать мастеров с тем, чтобы они возвели высокие стены вокруг Ирана, чтобы враг не ступил на землю Ирана и не увез богатства, не обижал дехканина – землепашца и не уничтожил красоту земли».

В социально-экономическом отношении время жизни и деятельности А.Фирдавси было периодом дальнейшего усиления и развития феодальных отношений в форме пожалования земель. В это время земля становится ведущей формой собственности и проявляется тенденция из временного пожалования в пожизненное, а из пожизненное- в наследуемое. Развития этой формы землевладения и землепользования крайне осложняло положение земледельцев. Ибо земледельцы, работавшие на пожалованных землях, оказывались под двойным гнетом- наряду с выплатой наймверных налогов принуждались к бесплатному выполнению дорожных работ, строительству каналов и других оросительных систем.

Небезизвестный польский писатель Ян Парандовский в своей книге «Алхимия слова» писал: «Истинным бессмертием произведение обладает до тех пор, пока не утрачивает способности обновляться и меняться в умах новых поколений» «Шахнаме», подобно «Иллиаде», «Энеиде», «Божественной комедии», «Гамлету» Шекспира, «Фаусту» Гете, в каждую эпоху обретает новую жизнь и новые значения и смысл. Те же самые бейты (двустушия), те же самые слова и рифмы, те же герои и образы в каждом столетии будили и будят различные представления и ассоциации, но, главное, дух «Шахнаме» остаётся неизменным, ибо целиком и полностью наполнен лучшими общечеловеческими ценностями. Они способны в каждую эпоху непрерывно обогащать человеческое восприятие, аккумулировать и закреплять в его сознании стремление к Добру, Истине и Красоте.

Литература:

1. Комментарии к кн.: Фирдавси А. «Шахнамэ».-Т.1.М.,1975
2. Ницше Ф. Сочинения в 2^х-т. Пер.снем;Сост., ред и авт. примеч. К.А.Сясян.-М: Мысль,1990-829стр.
3. Фирдавси А – Шахнамэ.В 9ти томах.М., Наука.1965.
4. Фирдавси А – Шахнамэ- Т.1.М. Изд.А.Н.СССР.1975.
5. Шукуров М. «Шах-наме» « Фирдавси и раняя иллюстративная традиция».-М.: Наука.,1983-С.80.
6. MansoorRastgarFasssai. – FarhangeNam`ha`yeShahnama. 2 vols. – Т 1.Tehran: Cultural Studies and Research Institute. Ministry of Culture and Higher Education. 1990. – P.35.

7. См. рисунок 1. Настр. 36. в кн.: [SoroushIrfani. – Shakhname: The Other Story \ Painting the Persian Book of Kingstory. Anciet Text and Modern Images. – London, Cambridge UK, Published by Talking Tree Books. 2010.]